

## Дом у дороги

Ловец поправил отяжелевшую епанчу и постучал в дверь настойчивее:

– Хозяева! Православные! Пустите Христа ради!

Ему приходилось перекрикивать дождь и злой ветер. Время было ещё не позднее, но плотные тучи скрыли солнце, и казалось, что ночь началась раньше срока.

«Да чего ради я вообще стучу?» – подумалось ему. «Изба посреди леса, у старой дороги. Паршивое же место», – он постучал ещё. «Так, если прямо сейчас не откроют, катись оно яичком, пойду под ёлкой ночевать. Вот помру от лихomanки – молодой, красивый – и сразу в рай, к серафимам». Он уже повернулся уходить, когда с тихим шорохом приоткрылась задвижка узкого волокового окна – почти под самой крышей. Отрез света упал из дома наружу и задёргался – кажется, кто-то хотел посмотреть на пришельца. Изнутри слышались голоса, и окно вновь закрыли, заскрипела дверь – она открывалась внутрь.

– Заходи, заходи скорей, – открыл парень с вызревшими чирьями по всему лицу. Он пропустил ловца в сени и закрыл за ним.

В сенях было темно, только смутно угадывались какие-то орудия и пожитки, наваленные кучей, без порядка. Не задерживаясь, ловец пошёл на свет. В жилой комнате, он по привычке посмотрел в красный угол, одновременно снимая шапку, чтобы поклониться образам, но ни икон, ни даже завалящей лампадки там не было. Хотя, небольшая полочка с жирными следами имелась. «Ладно», – сказал он себе, – «не надо с судом торопиться, они же, всё-таки, впустили незнакомого путника». Он постарался вежливо поприветствовать хозяев.

– Будьте здоровы, добрые люди! Меня Микиткой кличут. Я тут возле реки ловушки проверял, а один подранок якорь выдернул и в эту сторону побёг. Уж я за ним полдня тасился, а тут буря и следов не найти. Слава Богу, к вам вышел.

В тускловатом свете, который давали две дорогие – судя по запаху – восковые свечи, сложно было сказать, насколько эта троица похожа на добрых людей. Во главе стола сидел, очевидно, старший из них – крепкий мужчина с густой бородой и глубокими морщинками вокруг глаз. Свечи были прилеплены прямо на стол перед ним, так что можно было рассмотреть и его руки – широкие, с толстыми пальцами, и густо покрытые с внешней стороны старыми шрамами. Зато торчали эти руки из широких рукавов кафтана, расшитого, не иначе, шёлком. Мужчина кашлянул и спокойно ответил:

– И тебе не хворать. Меня Устин зовут, это Иван, товарищ мой, – он указал на мужчину в глубоко надвинутой валяной шапке, который сидел на лавке, скрестив руки и упёршись в стену, – а открыл тебе Фрол, племяш мой. Мы и сами тут не хозяева, вообще-то. Люди мы торговые, ехали на ярмарку, коней купить, да лукавый под локоть пихнул через лес срезать. Только капать начало, а тут изба у дороги. Повезло.

По правде сказать, и голоса, и лица их как будто бы мало годились для торговли или даже просто долгих разговоров по душам. Хотя, Микитка знал одного бондаря, который и дело своё знал прекрасно, и цены никогда не завывал, и даже в долг давал, но лицо притом всегда имел такое, что молоко можно сквашивать.

Только теперь обратил на себя общее внимание мокрый чёрный пёс, протиснувшийся внутрь со своим хозяином-ловцом. До сих пор он жался к ногам, и его было сложно заметить под епанчой, но сейчас маленький кобелёк вдруг опомнился и решил широко отряхнуться.

– Эй-эй! Сведи-ка свою псину в сарай, пока она тут нам не изгваздала всё! – впервые подал голос Иван и непроизвольно поправил на голове шапку, похожую на опрокинутое ведёрко. – С конями переждёт, ничего ей не будет!

Ловец не стал отвечать, но пса вывел. За домом действительно стоял грубо сработанный сарай, который Микитка сначала не заметил. Внутри никто света, конечно же, не жёг, но даже в темноте легко угадывались лоснящиеся спины и крупы трёх лошадей. Высоких и явно не голодающих. Они дружно повернули головы – на каждой подвешена торба с зерном – насколько позволяла привязь, и посмотрели на гостей. Ловец вошёл, шаря перед собой рукой, но всё равно споткнулся о разложенные на полу сёдла, заботливо укрытые от сырости рогожей.

Он неловко задел укрывающую ткань ногой и чуть не ткнулся носом в лежащую сбрую, в последний миг подставив руки. Сёдла, как он нащупал, были густо усыпаны по краям металлическими клёпками какой-то сложной формы, а на чепраках, кажется, была вышивка. Микитка как-то видел раньше коней с похожими сёдлами – тогда его господин собирался в государев поход, возвращать Смоленск.

– Ну ладно, Черныш, посиди пока здесь. – Кобелёк издал жалобный звук, стараясь заглянуть Микитке в глаза и завертелся. Весь он был чёрной масти, но над глазами была пара белых пятнышек, которые были заметны даже в этой темноте. – С тебя и правда течёт, как с мокрой тряпки. Ну не скули, я попозже ещё поесть принесу.

Пёс не переставал подвывать так, что его челюсть дрожала, словно у человека, готового расплакаться. Ловец чесал его за ушами, и самым успокоительным тоном обещал, что всё будет хорошо.

– Не по месту тебе уже так дёргаться, ты же опытный, матёрый пёс. Дождь скоро кончится, а если и не скоро, так к утру пройдёт, и повернём отсюда домой.

По правде сказать, Микитке тоже было не по себе – он очень хорошо знал все окрестные леса, много лет ходил по ним сперва с отцом, а теперь и сам, но даже такого опытного человека буйная непогода загнала в незнакомые края. Эту старую московскую дорогу, которая теперь вся позаросла, он видел и раньше, но вот про дом рядом с ней даже не слышал.

Через какое-то время, Черныш успокоился и перестал дрожать. Микитка только начинал натаскивать пса, знакомил его с запахами зверей и диких трав, с работой

ловца. Ещё немного, и он привыкнет. Убедившись, что пёс готов его отпустить, Микитка вернулся в дом.

\*\*\*

– Так что, хорошо служится тебе у боярина?

Устин сидел за столом, пока Иван и Фрол готовили кашу. Приятным дополнением к ней стал жирный осенний заяц, которого ловец добыл сегодня заодно, пока ходил по ловушкам. Освеживал он его ещё днём, и вышло это у ловца быстрее, чем десять раз Отче наш прочитать. Купцы протопили печь заранее, ещё пока их было трое, так что сейчас дыма уже почти не осталось, а жара хватало и для стряпни, и для просушки одежды.

– Жаловаться не на что, – Микитка достал из чехла короткий лук со смотанной тетивой, отставил сушиться, но не слишком близко к печи. – Я с малолетства ещё всё с отцом за зверем ходил, мне ничего другого и не интересно. А Борис Яковлевич, как вернулся с войны, про меня узнал, ну и сделал меня навроде ловчего. Я ему все места в округе показал: где кабан в луже валяется, где олень пьёт, где чёрный зверь в берлоге спит. Жаль только, умер Борис Яковлевич до срока, теперь сын его всем управляет. Ну да он, ради бабушкиной памяти, позволил мне и дальше ловом заниматься, хоть сам и не охотник до дичи.

– Ты когда говоришь, складно выходит, – протянул Устин. – Да только если всё так хорошо у тебя, почему ветошь носишь?

Среди купцов Микитка действительно выглядел бедно: серый кафтан с заплатами, ещё и явно с чужого плеча, потрёпанные низкие сапоги.

– О, добрый человек! – ловец усмехнулся. – А вот если бы ты собрался пойти за конём навоз кидать, неужто бы надел шёлк да золото? На зиму-то у меня лучшая шуба в селе, волчья.

– Верно-верно, – посмеялся Устин.

Иван – по-прежнему в шапке – помешал ложкой в чугушке, попробовал, обжигаясь, повернулся к Фролу:

– Принеси-ка там из ларя соли.

Ловец посмотрел на парочку кашеваров с недоумением.

– Я говорю... поищи в ларе, авось, немного соли найдёшь, – поправил сам себя Иван.

Немного соли действительно нашлось.

– А вот слышал я одну историю, к нашей беседе она как раз будет, – прервал неприятное молчание Устин. – Мне её один учёный человек рассказал, книжник и умница.

Микитка повернулся к купцу и показал, что готов внимательно слушать.

– Ну так вот, правил в Мунтянской земле – это где-то на запад от нас, у дальнего берега Чёрного моря – один воевода. Всем был известен он своей строгостью и справедливостью, а норов его был таков, что даже и турецкий султан старался с ним лишний раз не ссориться. И было так, что приехал в столицу воеводства купец из соседней страны. По местному обычаю, он оставил свой воз со всем товаром и деньгами на улице возле гостевого дома, а сам пошёл спать. Когда же утром он собрался на торг, то увидел, что пропал у него кошель, в котором лежало полторы сотни золотых монет. С этой бедой пошёл он к воеводе жаловаться. Тот выслушал купца и пообещал, что сегодня же к вечеру все деньги будут на месте. Купец с тем и ушёл, а воевода приказал своим людям найти вора до следующего утра. И пригрозил, что если не поймают виновного, то сами ответят. А ещё распорядился подложить купцу полторы сотни и ещё одну монету из собственной казны. Купец не очень-то поверил воеводе и день провёл, заходя то к одному, то к другому знакомому или свояку. Только утром на следующий день решил он проверить свой воз. И что же? Видит он – тугой кошель, навроде украденного. Развязал его, стал считать. Пересчитал пять раз, а всё равно один золотой выходит лишний. Пошёл он тогда снова на поклон к воеводе. Так, мол, и так, деньги нашлись, благодарю низжайше, но одна монета лишняя. А в это время, как раз к сроку, привели на суд вора – и все деньги при нём. Тут воевода судил вора посадить на кол у рыночной площади, а купца отпустил, сказав: «Это хорошо, что ты честно со мной говорил, а не то быть и тебе на колу рядом с вором».

Устин замолчал и выжидательно посмотрел на Микитку, будто не историю рассказывал, а загадал загадку и ждёт правильного ответа.

– А что... я пропустил, наверное, как того воеводу звали?

– Да я уж точно не помню – Дракула, кажется. Вроде бы, на наречии тех мест, значит «Дьявол». По тому, насколько он хитёр был и мудр. Понравилась тебе моя сказка? – напрямую спросил Устин.

– Сказка хорошая, тут не поспоришь, но я не хотел бы с таким правителем жить.

– Это почему?

– Он ведь сам людей в искушение вводит. Если дать купцу лишнюю монетку, конечно, он захочет её прибрать. И если на улице посреди ночи будут стоять без охраны возы с добром, то кто-нибудь захочет там порыться. Это правда, бывают такие лиходеи, что только оторви да брось. А вот если кто от голода хлеб крадёт? Тоже смерти повинен?

Иван и Фрол уже достали горшок с кашей из печи и теперь, стоя в полумраке, в стороне от свечей, внимательно следили за разговором. Устин чуть улыбнулся, слушая ловца и ответил:

– Говорил мне ещё один умный человек, что в Писании сказано: «Наказание за грех – смерть». Или ты считаешь, красть не грех?

– Я, сказать честно, в этих делах мало что понимаю. Я всё больше по лесам, со зверями, а в храме редко бываю. А когда и зайду – большую часть не пойму. Только, кажется мне, что если допускает Бог волку овцу унести, то и голодного не осудит, который себе на пропитание хлеба не имеет.

– Ну так ведь волка бьют. Сам знаешь. И даже не за то, что шкура у него серая.  
– Устин как будто особо старался переспорить ловца.

– Бьют. Если поймают. Да только всё равно, если ты стадо своё не стерёг, если псов не завёл, как можно на волка обижаться?

– Вот это ты верно говоришь! – Устин расслабился и даже хмыкнул в бороду. – Если не бережешься, то сам себе дурак. У нас, в торговом деле, завсегда так.

– А как оно, кстати, сейчас? Я так смотрю, что ни год, так новый налог собирают с купцов.

– А у нас ремесло не от налогов зависит, а от людей. Пока есть, у кого купить, да есть кому продать, нам и хорошо. Скажи, Ваня?

Иван подхватил горячий чугунок голыми руками и поставил на стол. Прodelал он это так буднично и спокойно, будто руки у него были из меди. Покончив с этим, он уже который раз невольно натянул шапку поглубже, будто боялся, что она улетит.

– Оно конечно. Вот доедем до ярмарки, купим ладных коровёшек, а уж запродать их всяко будет кому.

– А вы разве не лошадей собирались брать? – Микитка вопросительно приподнял бровь.

– А как же, и лошадей, и коров, и коз с овцами. Если только годных найдём, да в цене сойдёмся, – уточнил Устин.

Иван, который так и не сел до сих пор за стол, зачем-то стал медленно обходить избу, заходя к ловцу с левого боку. Послышалось, как заржали кони.

– Да? Я просто подумал...

В дверь глухо постучали. Судя по звуку, скорее не кулаком, а как будто палкой. «Или костью», – подумалось Микитке. Потом, почти без перерыва, постучали ещё, и ещё. Кто-то очень хотел попасть внутрь, но своё желание выражал будто несколько неуверенно. Фрол, как самый молодой, тут же пошёл открывать.

– А кто это там пришёл? – повысив голос, спросил ловец, обращая свой вопрос всем сразу и удивлённый тем, что никого больше это, кажется, не интересовало.

– Ты, друг, не волнуйся, это ещё один наш товарищ Митрофан. Мы с ним уговорились тут встретиться, - спокойно отвечал Устин, сунув правую руку в широкий левый рукав, как делают для тепла.

Дверь открылась. Пришедший, стоя на пороге, резко выбросил вперёд руку. Он схватил Фрола за шиворот, притянул к себе и крепко укусил за шею. Раздался одновременно влажный и хрустящий звук, который Микитка запомнил надолго – звук прокушенного горла.

Раньше, чем парень захрипел, ловец уже был на ногах. Он схватил старый хват и сильно толкнул пришельца и его жертву, выпихивая их прочь из дома. Они повалились, увлекая друг друга, на грязную землю. Ловец захлопнул дверь и прижал её плечом:

– Быстро, стол сюда! Лавку! Пока держу!..

Договорить ему не дали, он получил чем-то тяжёлым по голове и обмяк.

\*\*\*

Во сне Микитке снова было двенадцать лет. Десять лет назад.

Была осень, когда заболела старушка-прядильщица, жившая за три дома от них. Микитка никак не мог вспомнить, как её зовут. Акулина? Агафья? Может, Устина? Кажется, она была дальней родней отца, так что Микитка навещал её, приносил еду, помогал по дому.

Эти заботы не слишком обременяли мальчика, он спокойно подметал, менял солому, которой посыпан пол, колол дрова, носил воду, бегал с другими поручениями – всё то же, чем он занимался уже давно, после смерти матери. Вот только старушка. Она лежала на печи, под ветхой, как она сама, шубой, не вставая. Ей тяжело было даже повернуться на другой бок. Обычно днём она спала, но когда просыпалась, то почти всё время стонала. И это было бы ничего, если бы не её лицо.

Болезнь пожирала её лицо медленно. Сперва на лбу появилось несколько багряных пятнышек, затем они распространились на нос, губы, щёки. Их становилось так много, что на носу они слились в сплошное красное пятно. После стал выходить гной. Травник – Микитке он казался настолько старым, что должно быть видел прадеда нынешнего боярина, – заходил раз в несколько дней, оставлял отвар, которым надо было протирать язвы. Это не слишком-то помогало, но можно было хотя бы убрать потоки гноя. Как помнил Микитка, старушка и раньше пахла странно, как многие старые люди, но теперь запах был отвратительным, сладковато-терпким. Когда он пожаловался отцу, тот строго выговорил мальчику: «Разве ты думаешь, ей самой приятно? Разве виновата она в том, что старая и больная?»

Микитка постоянно ходил к старушке уже три недели, когда у неё начал проваливаться нос. Сперва, пока отпал только самый кончик, это было не очень-то заметно, ведь всё её лицо и так уже было сплошной раной. По-настоящему плохо стало, когда ноздри стали проступать как две дыры посреди куска мяса.

Микитка был не единственный, кто ходил к старушке. Её навещали соседки, родственницы – готовили, кормили её, старались с ней поговорить, предлагали какие-то припарки. Но чем меньше оставалось от носа, тем меньше было и желающих помогать. Иногда, не смущаясь мальчика, соседки говорили, что лучше бы Бог уже прибрал старушку, чем так мучиться.

И Бог прибрал, уже зимой.

Микитка помнил, что отец долго говорил со священником. Убеждал его, настаивал, даже ругался. Он хотел, чтобы тело положили в церкви на четыре дня, благо уже начались морозы. И священник согласился.

На четвёртый день, отец встал даже не утром, а ещё среди ночи, и вышел из дома. Разбуженный Микитка только притворился спящим, ему почему-то подумалось, что отец не захочет брать его с собой, и он решил пойти тайком. Мальчик как мог быстро надел две рубахи, кафтанчик, натянул шерстяные чулки, влез в шубку, обулся, прихватил рукавицы и выскочил из дома.

Тёмная фигура отца выделялась на фоне снега, подсвеченного луной, и только потому Микитка мог его видеть. Отец шёл к церкви, и мальчик осторожно последовал за ним, держась вдалеке.

Церковь была деревянная, старая, почерневшая. Когда боярин возвращался ненадолго из походов, все начинали говорить, что вот теперь де, он с добычи покроет крышу и купола золотом, но то ли добыча была невелика, то ли сам господин не знал, что собирается золотить церковь. Потому церковь стояла, сливаясь в зимней ночи в сплошное чёрное пятно, что даже сложно было бы найти дверь, если точно не знаешь, где она.

Когда отец скрылся внутри, Микитка прибавил шаг – он серьёзно отставал, чтобы не быть пойманным, и сейчас ему было до дверей не меньше сотни аршин. Стоило ему взяться за ручку, переводя дыхание, как внутри кто-то что-то сказал, что-то ударилось, грохнулось, потом ещё, ещё, и стало тихо.

Микитка распахнул дверь. На всю большую церковь горело всего несколько свеч, так что он видел только контуры, без подробностей. На полу валяется опрокинутый ящик – гроб. Рядом лежит в странной позе тело, завёрнутое в белое. Руки вытянуты, ноги согнуты в коленях, будто для прыжка, спина резко выпрямлена. Вдруг, перед самым лицом оказалось лицо отца:

– Сынок, – он взял Микитку за плечо запачканной в чём-то рукой. – Сынок, пора вставать. Зверь ждать не будет. Вставай, сынок, вставай.

\*\*\*

Первым к ловцу вернулся слух. Устин ходил вдоль печи туда-сюда – под ним скрипели доски – и выдавал разнообразные ругательства, будто пытался вспомнить, все какие знал. Спустя какое-то время, Микитка смог сосредоточиться достаточно,

чтобы разобрать не только гул голосов, но и отдельные слова. От таких усилий голова наполнилась раскалёнными иглами, и ловец опять провалился в забытьё.

Во второй раз он пришёл в себя быстрее. Теперь боль равномерно заливала только половину головы и, кажется, усиливаться не собиралась. Он лежал на полу, на руки и ноги что-то давило. Очень медленно, не открывая глаз, ловец произнёс:

– Митрофан... Давно заболел?

Доски у печи перестали скрипеть, кто-то подошёл к нему ближе.

– Что сказал?

– Митрофан. Он давно... заболел?.. – ворочать языком было всё ещё тяжело, но с каждым словом чуть сподручнее.

– Ты что-то знаешь! Устин, он что-то знает! Паскуда! Ты кто такой вообще! Ты какого беса у нас искал!?

Крики сосредоточиться не помогли. Ловец приоткрыл один глаз, увидел прямо перед собой перекошенное лицо Ивана – по-прежнему в шапке.

– Пить.

\*\*\*

Когда его посадили на какой-то чурбачок, уперев спиной в стену, и дали воды, говорить стало почти так же легко, как и прежде. Даже разбитая голова и связанные руки и ноги почти не отвлекали. Главное, не спешить.

– Я расскажу, как было. Вы не видели своего товарища пару месяцев. А в последнюю встречу, он был болен.

– Сейчас ты у меня болен будешь!

– Тихо! Сядь! – Устин умел говорить с той самой интонацией, которая так нужна отцу многочадного семейства, воеводе или воровскому атаману. Затем добавил тише,

– Рассказывай, паря, мы тебя слушаем.

Микитка успел немного оглядеться, насколько позволяли две свечи. В избе всё было по-прежнему: чугунок с кашей остался нетронутым, а зайчатина всё ещё томилась в печи, распространяя приятные запахи. Вот только дверь была теперь подперта не только лавкой, но и сундуком, который раньше, видимо, стоял в тёмном углу. Иван и Устин сидели с другой стороны стола и смотрели выжидающе.

– Почти наверняка, перед тем, как заболеть, он был на кладбище. Может, на похоронах. А может и как-то иначе с мертвецом повстречался.

Разбойники переглянулись, ловец продолжал.

– После этого, у него испортилась память. Иногда мог забыть слово, иногда – чьё-то имя. Ненадолго. Потом по телу пошли язвы. В подмышках, на шее, за ушами, на лице. И они никак не хотели заживать. Примерно таким вы могли его видеть.

По лицам разбойников ловец понимал, что попал точно.

– Затем маленькие язвы стали собираться в большие, а с памятью становилось всё хуже. Особенно тяжело ему было узнавать лица. И у него оставалось всё меньше сил. В какой-то день его посчитали мёртвым и похоронили. Скорее всего, неглубоко и в плохоньком гробу, если вовсе не зарыли, в тряпку замотав. Он немного полежал там, а потом вылез и пошёл искать свой дом и родню. Похоже, семьи у него не было, кроме вас. И другого дома он тоже не знал. Так он пришёл сюда, увидел Фрола, но не смог его узнать. Может, подумал, что кто-то пытается притвориться его товарищем, выдать себя за него, и такого он терпеть, конечно, не стал. Митрофана больше нет, осталось только... вот это.

Микитка отпил бы ещё немного воды, но руки были всё ещё связаны за спиной, а просить в такой момент не хотелось, так что он просто прикрыл глаза и постарался устроиться поудобнее. После затянувшейся тишины первым заговорил Иван. Было слышно, как его душат слёзы.

– Митрофана в острог посадили. Летом ещё. Мы думали всё – пропала птица певчая. А потом раз – грамотка приходит. Видали нашего Митрофана в каком-то селе. Издалека, правда, но его, красавца, ни с кем не спутаешь. Он раньше, бывало, где ни появится, так все местные девки сон теряют. А даже и некоторые замужние. Как начнёт про ворона петь, все рыдают. А заведёт плясовую, даже старики немножко, а попрыгают.

– И откуда ты всё это знаешь? – Устин понизил голос, но явно лучше держал себя в руках.

– У ловца на всякую гадину своя рогатина. Видел такое раньше. Если ничего не сделать, один такой может всю деревню известить. Особенно, если его там любили сильно. Я, как только заметил, что у него носа нет, сразу догадался. Ну а когда он парня начал жрать, тут уже большого ума не надо.

– И что предлагаешь сделать?

– Я так понял, он всё ещё снаружи ходит?

Разбойники закивали.

– В сарай заглядывал. Лошади бились, ржали как бесноватые, а потом сорвались с привязи. И псина, вроде, убежала.

– Тогда я предлагаю меня развязать, потому что в таком деле лишних рук не бывает.

Устин кивнул, Иван разрезал путы ножом. Времени прошло не слишком много, так что руки и ноги быстро расходились. Поправить больную голову так же быстро вряд ли получится.

– Оружие есть? Двумя лавками и ножами тоже можно справиться, но будет тяжело.

Атаман странно посмотрел на ловца и обратился к Ивану:

– Давай-ка стол подвигаем.

Они без особых усилий переставили стол ближе к печи, даже не снимая с него посуду и свечи. Устин убрал кусок старой овчины, которая лежала на полу под столом, и поднял крышку подпола.

– Залезай. Выберешь себе сам.

На удивление, под невзрачной избой, которая топилась по-чёрному и имела только пару крошечных окон для выхода дыма, был отличный подвал, немногим уступающий в размерах самому дому. Пол был покрыт досками, стены укреплены срубом. Вела в него прочная и не шаткая лестница, похоже, дубовая.

Но главное было внутри. Вдоль стен, не оставляя свободного места, громоздились сундуки, мешки, вёдра, кувшины и теса с разным добром. У одного горшка недавно был отбит бок – из него прямо на пол просыпались и лежали теперь, поблескивая при свечном пламени, серебряные ефимки и свеженькие алтыны, тускло мерцали змеиной чешуёй медные копейки. Без особого порядка валялись одежда, конская упряжь, украшения. Имелось там и оружие. Ловец не стал спрашивать, где сейчас хозяева всех этих вещей. Микитка взял рогатину – увесистую, с резной перекладиной, и ростом с самого себя. Разбойники, похоже, по привычке, вооружились саблями.

– Так что делать-то посоветуешь? – спросил Устин, ногтем проверяя, нет ли на лезвии сколов. – Мысли какие-то у тебя есть?

– Какие-то – есть.

\*\*\*

К тому времени, когда разобрали завал у двери, дождь, наконец, прекратился, а ветер утих. На небе показалась луна, что было очень на руку. Первым из дома вышел, сжимая тяжёлое копье, ловец. «Митрофан прежде не знал меня, так что едва ли будет сильно увлечён моей головушкой», – так надеялся Микитка. Он взглянул на то, что осталось от Фрола – тело сохранило общее сходство с человеком, но примерно половины плоти не было на месте. К счастью, издали рассмотреть подробнее в лунном свете было сложно.

Микитка обошёл избу, заглянул в сарай – коней не было. Похоже, какая-то доля разумности в Митрофане ещё оставалась, и он не хотел, чтобы поделщики внезапно

от него ускакали. Самого ночного гостя нигде видно не было, но далеко он уйти не мог. Ловец подошёл к двери, постучал и громко позвал:

– Выходите, пока он отошёл.

Разбойники, не мешкая, присоединились к Микитке, подняв обнажённые сабли. Устин в левой руке держал фонарь со свечой. Они вдвоём старались держаться поближе к стенам избы.

Очень скоро все услышали сопение и тихий хруст сухих веток. Митрофан... То, что раньше им было, приближалось с той стороны, откуда пришёл Микитка. Упырь всё ещё был очень похож на себя при жизни. Только люди обычно не ходят в кафтанах, измазанных кладбищенской землёй и кровью. И носы у людей обычно на месте, и даже у самых бледных порой нет-нет да и проскочит румянец.

Митрофан шёл уверенно, направляясь к своим прежним товарищам и почти не обращая внимания на постороннего для него человека.

– Митроша, да ты что? Да это же мы! Да как ты не признал-то, родной! – Иван до конца сохранял надежду, что ему не придётся делать то, о чём они уговорились полчаса назад.

На упыря, кажется, эти слова подействовали не так, как хотелось Ивану. Он внезапно ускорился и преодолел не меньше трёх саженой в два прыжка, подскочил к Ивану и с силой сжал его шею. Тот, пока ещё было на это дыхание, пытался увещевать бывшего Митрофана. Про такое уговора не было.

Ловец, который всё это время обходил тварь, насколько мог глубоко вонзил ей в спину рогатину и постарался прижать упыря к стене избы. Устин в два движения сабли отсек правую руку, душившую Ивана, затем принялся за левую. Иван, больше ничем не удерживаемый, сполз по стене.

Упырь, прижатый к избе, лишённый рук, до сих пор не издал никакого звука – ни воя, ни криков, ни рычания. Он безуспешно пытался вывернуться, а когда понял, что не может, стал кусать бревно перед собой, будто надеясь прогрызть путь на волю.

– Давай! – у Микитки кончались силы, сдерживать упыря рогатиной было трудно с самого начала.

Тяжёлая сабля, с елманью по венгерской моде, снесла голову чудовища и слегка врубилась в бревно. Стало очень тихо.

\*\*\*

Иван не дышал. Чудовищной силы рука слишком крепко сдавила что-то у него в горле и сломала его. Пока он сползал по стене, шапка с него всё же свалилась, явив давно зажившую рану на месте правого уха – метку, которой награждают за разбой.

– Ему не стоило с Митрофаном говорить. В кои-то веки, нужно было просто сделать как велено и заткнуться. На что ты надеялся, дурак? – Устин устало смотрел на мёртвого товарища.

Ловец ничего не сказал. Ему не хотелось смотреть ни на мёртвых разбойников, ни на их живого атамана. Без особой надежды он несколько раз коротко свистнул. В ответ раздался отдалённый лай. Затем ближе, ближе. Микитка ещё никогда не был так рад видеть своего неказистого, хотя и смышлёного пса.

– Да, я тоже скучал, а теперь помолчи.

Пёс затих. Ловец прислонил чужую рогатину к стене, медленно сходил, забрал в избе просохший плащ и пожитки. Вспомнив обещание, отрезал у давно готового зайца лапу и отдал псу. Тот накинулся на лакомство.

– Мы вернёмся в село вечером, ближе к ночи. К боярину я пойду наутро. – Микитка говорил, глядя на пса, будто вовсе не обращался к разбойнику. – Если даже он захочет поспешить, на сборы уйдёт не меньше дня. Ещё полдня им на дорогу сюда. Всего два дня с половиной.

Атаман молча кивал головой.

– Ну, вот и всё, Черныш, дождь кончился, пойдём лучше отсюда. Нам нужно поберечься волков.

Атаман хотел было что-то сказать ловцу вслед, но промолчал.